

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-3-51-57

УДК 316:303(045)

МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА ГЛОБАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ФЕНОМЕНОВ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИТИРИМА СОРОКИНА

Осипова Надежда Геннадьевна,

д-р соц. наук, профессор,

декан социологического факультета, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

soc@socio.msu.ru

Аннотация. В рамках социологического творчества Питирима Сорокина особого внимания заслуживает уникальная методология, с помощью которой этот ученый осуществлял анализ широкомасштабных социальных феноменов, к которым, безусловно, относятся войны и революции. В основе этой методологии лежит анализ «проблемы влияния» какого-либо глобального социального феномена на жизнь общества. В рамках такой чрезвычайно широкой проблемы П. Сорокин выделял несколько важных составляющих ее проблем, а затем по каждой из них представлял обзор накопленных знаний, доказанных положений и имеющихся неопределенностей. В целом анализ П. Сорокина теорий войн и революций свидетельствует о том, что их влияние на общество чрезвычайно сложно, поэтому не может быть точно описано простыми и односторонними формулами. Настоящая теория должна объяснить, когда, почему, при каких условиях и каким образом какой-либо фактор становится действительной причиной войны и почему, при каких условиях он не оказывает влияния. Эту методологию П. Сорокин, в частности, применил к анализу революционных событий в России 1917 г.

Ключевые слова: социологическое творчество Питирима Сорокина; систематизация и критический анализ; теории «одного фактора»; войны и революции; реальные флуктуации и корреляции

METHODOLOGY OF THE ANALYSIS OF GLOBAL SOCIO-POLITICAL PHENOMENA IN PITIRIM SOROKIN'S CREATIVITY

Osipova N.G.,

Doctor of Science (Sociology),

Professor, Dean of Faculty of Sociology at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

soc@socio.msu.ru

Abstract. Within the framework of sociological creativity of Pitirim Sorokin, special attention should be paid to the unique methodology by which this scientist carried out the analysis of large-scale social phenomena, including certainly wars and revolutions. The analysis of “an influence issue” of any global social phenomenon on the life of society is the cornerstone of this methodology. Within the framework of such an extensive problem, P. Sorokin singled out several important components of its issues, and then, for each of them, presented an overview of the accumulated knowledge, proven provisions and existing uncertainties. In general, P. Sorokin's analysis of theories of wars and revolutions demonstrates that influences of wars and revolutions on society are complicated. Therefore, they cannot be precisely described by simple and unilateral formulas. True theory should explain when, why, under what conditions, and how any factor becomes the real cause of war and why, under what conditions, etc. it does not affect. P. Sorokin, in particular, applied this methodology to the analysis of revolutionary events in Russia in 1917.

Keywords: Sociological creativity of Pitirim Sorokin; systematisation and critical analysis; theories of “one factor”; wars and revolutions; real fluctuations and correlations

Социологическое творчество выдающегося ученого XX столетия Питирима Александровича Сорокина отличалось широтой и разнообразием тематики. Это история и предметная область социологической науки, структурирование общества — социального пространства, нашедшее отражение в концепциях социальной стратификации и социальной мобильности, социокультурные процессы и их динамика.

При этом П. Сорокин всегда делал акцент на том, что социология — наука объективная, свободная от всякого нормативизма и субъективного психологизма: она изучает социальные явления как «вещи». «Социология изучает явления взаимодействия людей друг с другом, с одной стороны, и явления, возникающие из этого взаимодействия — с другой. Социология исследует социальную реальность как процесс взаимодействия (*человеческих — Н.О.*) особей. Ее задачей является не отражение конкретного мира, а его разложение как совокупности отношений и формальных связей», — писал ученый [1, с. 57]. Сам он всегда стремился дистанцироваться от ненаучных подходов, избегать необоснованных тезисов и выводов. То же рекомендовал студентам — выпускникам Петербургского университета.

«...Первое, что вы должны взять с собой в дорогу, — это знание, это чистую науку, обязательную для всех, кроме дураков, не лакействующую ни перед кем и не склоняющую покорно голову перед чем бы то ни было; науку точную, как проверенный компас, безошибочно указывающую, где истина и где заблуждение. Берите ее в максимально большом количестве. Без нее вам не выбраться на широкий путь истории. Но не берите суррогатов науки, тех ловко подделанных под нее псевдознаний, заблуждений, то «буржуазных», то «пролетарских, которые в изобилии преподносят вам тьмы фальсификаторов. Опыт и логика — вот те реактивы, которые помогут вам отличить одно от другого. Иных судей здесь нет» [2, с. 264–265].

В историю мировой социологии П. Сорокин вошел как создатель интегральной модели общества, разработчик принципиально новых подходов к объяснению различных социальных процессов, как автор множества новых идей, понятий и методов социального познания. Наряду с этим, отличительной особенностью творчества этого социолога стала методология анализа масштабных, а точнее — глобальных социально-политических феноменов, основанная на систематизации и критическом рассмотрении важнейших теорий, объясняющих их сущность и причины возникновения.

В основе этой методологии лежит анализ «проблемы влияния» какого-либо глобального социального феномена на жизнь общества. Столь широкую, по его мнению, проблему П. Сорокин делил на несколько важных составляющих или подпроблем. По каждой из них ученый представлял обзор накопленных в ее рамках знаний, доказанных положений и имеющихся неопределенностей, а затем пытался вывести корреляции между феноменом, взятым в качестве независимой переменной, и различными аспектами социальной жизни как зависимыми переменными.

В частности, П. Сорокин подверг тщательному анализу с помощью обозначенной методологии феномены войны и революции. Им социолог посвятил специальные труды, однако целесообразно остановиться на тех общих моментах, которые наглядно раскрывают суть используемой им методологии.

Во-первых, этот ученый обосновал решительное отвержение им всех однофакторных теорий «движущих сил» анализируемого феномена. Так, П. Сорокин отмечал, что социологической науке известны многочисленные «однофакторные теории» движущих сил войны. Однако, поскольку данные теории ограничивают свои объяснения простым перечислением факторов и небольшим анализом их значимости, они фактически не являются обоснованными. Действительно, небольшого размышления достаточно, чтобы признать всякую теорию «единого главного фактора» негодной.

«В самом деле, — писал П. Сорокин, — если такое простейшее явление, как механическое движение, физика принуждена объяснить, по меньшей мере, двумя условиями — тяготением и инерцией, то сложнейшие общественные явления, в частности, войну, объяснить путем одного условия, одной причины, дело очевидно невозможное. <...> Мудрено ли потому, что все такие объяснения дают лишь чисто словесный анализ, бесплодный, пустой, напоминающий мне всегда Лесажевского доктора, все болезни лечившего одним лекарством — водой. Социология единого фактора — это социология того уровня, на котором когда-то стояла медицина знахарей, лечивших от всяких недугов угольками и нашлепыванием. Одного этого соображения достаточно, чтобы опровергнуть всякую теорию причин войны, которая пыталась бы усмотреть эту причину в любом едином факторе» [2, с. 42–43].

П. Сорокин отмечал, что своя «теория факторов», данная в основных чертах в ряде работ П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского и получившая отчетливое и систематическое выражение в трудах В.М. Чернова,

есть у народничества. Эта теория резко отличается от теории марксизма тем, что она не отрицает главенствующее значение экономического фактора, но и не пытается объяснять общественные явления исключительно последним. По своему существу она признает множественность факторов. Каждое общественное явление для нее представляет равнодействующую многих сил и условий, совокупности которых оно и обязано своим возникновением. Характерной для нее является и другая черта: то, что само понятие «фактор» она понимает не в смысле какой-то метафизической силы, вызывающей то или иное явление, а в смысле чисто методологическом, рассматривающем любой фактор как величину чисто условную, подобную «независимой переменной» в математике. Причинная связь в этой теории превращается в чисто функциональную связь двух или большего числа явлений.

Таким образом, на взгляд П. Сорокина, совершенно неправомерной является попытка «свести то или иное общественное явление, в особенности такое грандиозное явление, как война, к единой причине. В частности, к экономической, к войне за рынки и мировую гегемонию капиталистического класса той или иной страны» [2, с. 28].

Во-вторых, серьезному критическому анализу П. Сорокин подвергал наиболее популярные объяснительные модели феномена войны в рамках широко известных теоретических построений — социал-дарвинизма, функционального анализа и особенно марксизма. Так, с целью анализа влияния войны на жизнь общества, с точки зрения функционального подхода, он считал необходимым «рассмотреть войну как независимую переменную и проследить ее функции» [3, с. 179].

Марксистская теория «экономико-империалистического происхождения движущих сил феномена войны» представлялась ученому сомнительной именно потому, что «лица, стоящие на ее почве и орудующие одними и теми же данными, приходят в ряде вопросов к диаметрально противоположным выводам. Не годна теория экономическо-империалистического происхождения войны еще и по тому основанию, в силу которого вообще не годна теория экономического фактора, как и всякая другая «монистическая» доктрина факторов. Сущность всякой «монистической» теории состоит в том, что она пытается свести историю к уравнению с одним неизвестным, объяснить всю пеструю ткань общественных явлений одной или почти одной причиной. Марксизм, в частности, все пытается свести к единому основному экономическому фактору» [2, с. 42].

В-третьих, П. Сорокин детально проанализировал и сгруппировал теории, затрагивающие отдельные переменные данного феномена — причины и влияние войн на здоровье населения и демографические процессы, последствия войны для экономической, политической и духовной жизни общества, науки и искусства.

Так, согласно П. Сорокину, из всей суммы теорий, связанных с феноменом войны, особенно важными являются те, которые пытаются раскрыть причины возникновения войн. В данной связи он детально проанализировал многочисленные зарубежные теории «возникновения войны» и в их рамках выделил субъективистский и объективистский подходы.

Сторонники первого, субъективистского подхода усматривали движущие силы истории, ее подлинный смысл и содержание в божественном провидении, развитии абсолютного духа, целях и намерениях природы. И в середине XX в. западная социология в объяснении проблем мира и войны часто руководствовалась принципами, восходящими к идеалистической философии прошлого. Как и прежде, в поисках движущих сил истории, подлинной сущности человеческого бытия, объективных оснований человеческой деятельности, направленной на достижение вечного мира, она обращалась к «потусторонним сферам», а ее отличительной чертой стало иррационалистическое понимание действующих в обществе и человеке сил и побуждений. Поэтому значительная часть подобной обширной литературы, посвященной феномену войны, представляет собой не более чем эмоционально обусловленные исключительно умозрительные «идеологии» и потому не имеет никакой научной ценности [3, с. 179].

Сторонники второго, объективистского подхода в качестве первопричины войны рассматривали лишь внешние по отношению к феномену войны факторы социального развития — демографический, географический, экономический, политический и т.п. Так, в своей работе «Социологическая интерпретация „борьбы за существование“ и социология войны» П. Сорокин блестяще проанализировал сущность социал-дарвинистских теорий, ссылавшихся в объяснении движущих сил войны на «универсальный закон естественного отбора» или на «закон борьбы за существование». В результате он пришел к выводу о том, что фактические исследования делают обсуждаемую теорию «естественного отбора» сомнительной, поскольку остается под вопросом, какая из этих двух негативных селекций (военная или мирная) более вредна и регрессивна. Они лишь

хорошо иллюстрируют тот факт, что характер отбора в результате войны гораздо более сложный, чем обычно предполагается. На основе того, что мы теперь знаем об этом, невозможно согласиться ни с теми, кто «проклинает» отбор вследствие войны, ни с теми, кто его «восхваляет». Согласно П. Сорокину, истина находится где-то посередине между этими двумя односторонними подходами.

П. Сорокин, анализируя различные последствия войны, отмечал, что существует огромное число трудов об общих экономических последствиях войны. Однако если говорить о принципиальных последствиях войны для экономической жизни общества, то они сводятся к следующим:

1. Потеря благосостояния (в виде капитала и человеческого материала).

2. Экстраординарное перемещение ценностей от общества к обществу и от группы к группе.

Действительно, как и любое большое предприятие, война требует огромной мобилизации богатства. Более того, война разрушает города, фабрики и другие экономические ценности. Но при этом война всегда является важнейшим фактором в перемещении или перераспределении богатства от группы к группе и от человека к человеку. Однако экономические потери и разрушения, вызванные войной, могут быть восстановлены в экстраординарно короткое время. Объяснения данного факта варьируются, но истина в том, что это происходило многократно. Более того, необычная стимуляция изобретательности нации ради военной победы часто содействовала изобретению нового или поддержанию старого метода производства богатства. Таким образом, война непрямо вложила что-то в экономический прогресс и хотя бы частично компенсировала принесенный ущерб [3, с. 164].

Практически те же теоретико-методологические принципы применялись П. Сорокиным для социологического объяснения причин возникновения революций, которым он посвятил фундаментальную работу «Социология революций» [4].

Под причинами революции этот ученый понимал «совокупность тех условий (*факторов* — Н.О.), которые составляют ближайшее и непосредственно предшествующее революции звено причинной цепи, уходящее в целом в бесконечность прошлого и теряющееся в бесконечности будущего» [4, с. 309, 310].

Но каковы бы конкретно ни были условия, из которых складывается общая, основная и вечная причина революций, она всегда состоит в росте «ущемления» главных инстинктов у значительной

части общества, в невозможности их минимально необходимого удовлетворения, чем бы и кем бы такой рост «ущемления» не вызывался. Иными словами, она состоит в усилении препятствий, мешающих жить этой части агрегата, в росте непригодности их к существующим условиям. Эта суммарная причина революций складывается из множества мелких и даже ничтожных, различных по месту и времени причин [4, с. 309].

Например, если потребность питания (или пищевые рефлексы) значительной части населения в силу каких бы то ни было причин ущемляется голодом, то налицо оказывается одна из причин волнений и революций.

Если рефлексы индивидуального самосохранения ущемляются произвольными казнями, массовыми убийствами или кровавой войной, то налицо другая причина смут и революций.

Если рефлексы группового самосохранения (членов семьи, близких, единоверцев, единопартийцев и т.п.) ущемляются оскорблением святых этой группы, издевательством над ней, ее членами; их арестами, ссылками, казнями и т.д. — налицо третья причина мятежей и революций.

Если потребность в жилище, одежде, тепле и т.п. не удовлетворяется в минимальном размере, то перед нами еще одна порция горячего материала для пышного костра революций.

Если половые рефлексы вместе с их разновидностями — ревностью, желанием обладать любимым субъектом только самому — ущемляются у обширной группы членов невозможностью их удовлетворения, изнасилованием, развращением их жен и дочерей, принудительными браками или разводами и т.д., то налицо пятая причина революций.

Если инстинкты собственности у массы лиц «ущемляются» их бедностью, отсутствием всякой собственности при наличии огромных богатств у других лиц, налицо шестая причина революций.

Если инстинкт самовыражения и собственного достоинства <...> у массы лиц «ущемляется» оскорблениями, недооценкой, постоянным и несправедливым игнорированием их заслуг и достижений — с одной стороны, и завышенной оценкой менее достойных лиц — с другой, то налицо еще одна причина революций.

Если у многих членов общества инстинкты драчливости, борьбы и конкуренции, творческой работы, разнообразия и приключений, и «рефлексы свободы» <...> ущемляются чересчур мирным состоянием, однообразной монотонной средой, работой, которая не волнует ни ума, ни сердца бесконечными

преградами, мешающими передвигаться, говорить, думать и делать, что нравится, то налицо еще целый ряд условий, благоприятствующих революции, налицо еще несколько групп, которые встретят ее возгласами «Осанна!» [4, с. 309, 310].

Согласно П. Сорокину, этот перечень не исчерпывающий, он только указывает основные рубрики инстинктов, из-за ущемления которых происходит катастрофический взрыв революции, и вместе с тем — те социальные группы «ущемленных», руками которых старый порядок будет низвергнут и стяг революции водружен [4, с. 310].

Уравновесить возросшее из-за ущемления инстинктов давление может так называемая П. Сорокиным «группа порядка», а когда она этого сделать не в состоянии, возникают массовые волнения, ведущие к революциям. Итак, «1) рост ущемления главных инстинктов, 2) массовый характер этого ущемления, 3) бессилие групп порядка уравновесить пропорционально усиленным торможением возросшее давление ущемленных рефлексов — таковы необходимые и достаточные условия наступления революций» — заключал П. Сорокин [4, с. 312].

П. Сорокин особо подчеркивал, что, несмотря на то, что взаимосвязь войн, реформ и революций мало исследовалась, между этими явлениями существует очевидная корреляция, особенно между безуспешной войной и революцией.

Безуспешная война во многих случаях продолжается революцией. Так это было в 1917–1918 гг. в Австрии, Турции, Венгрии, Германии, России, Болгарии, Греции и т.д., так это произошло в 1905 г. в России, в 1912 г. — в Турции, в 1870–1871 гг. — во Франции и во многих других странах в течение предыдущих столетий. С другой стороны, многие революции привели к войнам. Следовательно, эти феномены имеют тенденцию порождать друг друга. Причины этого вполне ясны.

Согласно П.А. Сорокину, «неудачная война означает, что общественная организация не справляется с проверкой войной и, следовательно, нуждается в переделке. Крушение вызывает недовольство масс и побуждает их восставать против существующих условий, особенно против политического режима. Таким образом, революция — это результат военного поражения. В свою очередь революция сама по себе настолько радикально изменяет существующие взаимоотношения внутри и вокруг общества, что подвергает опасности наиболее важные интересы социальных групп внутри и вне этого общества. Такой антагонизм вероятнее всего имеет своим результатом гражданскую или международную

войну как последнее средство его разрешения. Следовательно, война — «это результат революции, и их функциональная взаимосвязь очевидна. Указанная корреляция изучалась очень мало, но ее существование весьма вероятно» [3, с. 174].

По мнению П.А. Сорокина, сказанное выше подтверждается в другой форме. Мобильность социальных объектов, ценностей и индивидов во время войны и сразу же после ее окончания становится необычайно интенсивной. Война является «катализатором» горизонтального и вертикального движения социальных объектов и индивидов от одного статуса к другому. Социальное восхождение от бедного к богатому классу, от низкой к более высокой страте, от бесправной к привилегированной группе и обратный процесс социального падения индивидов и групп во время войны более интенсивны, чем в мирное время.

То же верно и в отношении движения от профессии к профессии, от одного территориального сообщества к другому, от одной политической партии или идеологической группы к другой. В этом смысле война играет роль огня, который заставляет молекулы воды в чайнике двигаться гораздо быстрее. То же можно сказать о вертикальной и горизонтальной мобильности социальных объектов и ценностей (нравы, мода, верования, идеология, мнения, вкусы и т.д.). Они изменяются и циркулируют внутри одного общества и среди обществ во время войны гораздо быстрее, чем в мирное время. Быстрое и значительное изменение «привычек и нравов» общества и различные эпидемии «фобий» наблюдались много раз во время войны и сразу после ее окончания, несмотря на то, что они выступают лишь частичным проявлением этого феномена [5, с. 8].

Такая интенсивность циркуляции социальных ценностей продолжает существовать и в послевоенные годы. Они отмечены изменениями в стиле приспособления к новым мирным условиям. В течение первых нескольких лет после прекращения военных действий общество переживает экстраординарные изменения в этом направлении. Одна из явных характеристик этого периода связана с увеличением непопулярности многих социальных ценностей, которые высоко ценились в годы войны, и ростом популярности тех ценностей, которые недооценивались в военный период [5, с. 8].

В целом анализ П. Сорокина теорий войн и революций, изложенный в его работах [6–8], свидетельствует о том, что их влияния на общество «чрезвычайно сложны и не могут быть точно описаны простыми и односторонними формулами» [3, с. 178].

Некоторые из этих корреляций, установленные учеными, кажутся определенными и в какой-то мере изученными. Однако некоторые другие до сих пор мало изучены и представляют собой скорее догадки, нежели научные утверждения. Авторы слишком много рассуждали на моральные темы и изучили слишком мало фактов в этой области. Поэтому, если социологи собираются продвигать наши знания о данных феноменах, они должны отказаться от морализаторства и повернуться к реальным исследованиям.

Настоящая теория, подчеркивал П. Сорокин, должна объяснить, когда, почему, при каких условиях и каким образом какой-либо фактор становится действительной причиной войны и почему, при каких условиях и т.д. он не оказывает влияния. Подобная теория должна «толковать» реальные флуктуации кривой войны. Она должна установить корреляцию особенностей войны и собственных факторов, показав тем самым, что ее факторы «сопадают» с кривой войны. «В противном случае мы приговорены оставаться в царстве полуправды» [3, с. 179].

Следует отметить, что в поле зрения П. Сорокина феномены войн и революций попали отнюдь не случайно.

П.А. Сорокин всегда был активным общественным деятелем, никогда не стоял в стороне от политических событий. Революции, свершившиеся в России в начале XX в., дали определенный толчок направлению развития его социологической мысли. Этот ученый стал одним из редакторов правозероховской газеты «Воля народа», на страницах которой им было опубликовано около сотни статей. Эти статьи содержали анализ деятельности и критику Временного правительства и гневные выпады в адрес набравшего силу большевизма, исполненные гражданского мужества.

Февральскую революцию 1917 г. П. Сорокин встретил с энтузиазмом. В газете «Воля народа» он практически ежедневно публиковал многочисленные заметки, среди которых: «Обязанности власти и обязанности гражданина», «Сущность и авторитет власти», «Интересы национальностей и единство государства», «Социализм и социальное равенство». В них он подвергал резкой критике нерешительность нового буржуазного правительства и его запаздывание в решении насущных социальных проблем.

В частности, он писал: «Мы поддерживали и поддерживаем Временное „коалиционное“ правительство. Мы далеки от тех большевистских лозунгов,

которые требуют его низвержения. Мы признаем, что в общем и целом наша революционная власть стоит на высоте. Но это не лишает нас возможности указывать на те или иные ее недочеты, критиковать тот или ее иной шаг, не с целью подрыва власти, а с целью помощи ей в неизмеримо трудных задачах. Подходя с этой точки и зрения к оценке общей деятельности правительства, нельзя не сказать, что главным недостатком его является значительное запаздывание в ряде вопросов, где это запаздывание не должно иметь места, медленность разработки и решений там, где эта медленность нетерпима, отсутствие решительности там, где нерешительность губельна» [2, с. 76].

Октябрьская революция этого же года была воспринята ученым весьма пессимистично, а экстремистские действия большевиков вызывали возмущение. «Мне стыдно», «Преступная фальсификация», «Убийство России и русского народа» — названия статей, написанных П.А. Сорокиным под псевдонимом Н. Чаадаев, после 25 октября 1917 г. [2].

В публицистических работах П. Сорокина этого периода очевидно своеобразное обобщение позиции определенной части интеллектуальной элиты России в отношении Октябрьской революции, отдельных большевистских лидеров и той губельной стихии, которую он назвал «шттыкократией».

Согласно П. Сорокину, «шттыкократия» имеет место тогда, когда «вместо разума, вместо народа на трон вошел и утвердился Г. Штык — Штык, ни о чем не рассуждающий, ничего не понимающий, не ведающий сам, чего он хочет, не имеющий своей воли, а делающий то, что ему прикажет тот, кто случайно его околдует, кто случайно его захватит» [2, с. 218, 219]. «Штык решает вопросы силой» [2, с. 217].

«Штыкократия слепа и стихийна. Она всегда вела народ к гибели, ведет его и нас. Те самые солдаты и рабочие, которые остриями штыков утверждали власть большевиков, сами не ведая того, топчут свои демократические основы, подрубают тот сук, на котором держится воля народа и их собственные блага...

Грабители расхищают народное достояние, проходимцы революции разгоняют Думы, избранные всеобщим голосованием. И солдаты, и рабочие, сами выбиравшие эти Думы, своими штыками разрушают то, чем они сильны. Так, шттыкократия или „демократия“ (в кавычках — Н.О.), благодаря которой приход нового деспота неизбежен, топчет душу подлинной демократии, искажают ее простые истины, вне которых нет спасения:

1. Выше всего — воля народа. Она — закон.

2. Воля народа определяется не штыками, а избирательными бюллетенями.

3. Никакой гарнизон, при всеобщем избирательном праве, не может за весь народ решать дело силой оружия.

4. Штыки должны подчиняться только тому, кто выражает волю всего народа, проявленную путем выборов. Да подчинится штык избирательному бюллетеню!

5. Учредительное собрание — выразитель воли всего народа. Пусть же подчинится штык грядущему хозяину Земли Русской» [2, с. 218, 219].

В отношении декларируемых в лозунгах гражданских прав и свобод П. Сорокин также писал следующее: «...Они (*большевики — Н.О.*) не только извратили заветы социализма и свободы, но они каждым своим шагом цинично издеваются над ними и нарушают их» [2, с. 206].

«...Они закрыли газеты, арестовали редакторов, конфисковали типографии, запретили собрания и митинги, закрыли общества и союзы. И в этой политике дошли до таких границ, до которых никогда не доходил царизм». «Рядом с арестами — избияния, насилия, угрозы, обыски..., сотни людей с их вedomа расстреляны, проколоты штыками, забиты ударами, растерзаны их бандами, утоплены и зарезаны...». Следовательно, «...Так действовать, как господа большевики, могут только злейшие враги революции, свободы, родины и социализма» [2, с. 207].

Следует отметить, что многие выводы, к которым пришел известный ученый, остаются актуальными

для современного этапа жизни российского общества.

В частности, на ставший в российской истории традиционным вопрос «Что делать?» П.А. Сорокин отвечал: «...Для тех, кто еще не упал духом, кто еще сохранил любовь к родине, кто еще считает своим долгом бороться за свободу, ответ один: нужно Россию строить заново. Процесс разложения докатился до своего предела. Будут еще ужасы, будут еще небывалые потрясения, будут и голод, и убийства, и погромы, и варварства, все это будет еще, и жертв, невинных жертв падет еще много, но все это будет не новостью. Все это явится последними „эффективными“ взрывами разваливающейся и горящей России, все это будет смертными вздохами безнадежного больного. Пройдут эти последние валы, разрушение дойдет до конца — и настанет тишина, мертвая тишина на пепелище России. И тогда встанет великая задача: из обломков старой России нужно будет строить новую Россию, новую родину. К этой задаче нужно готовиться» [2, с. 205].

В целом, в методологии, разработанной П. Сорокиным, которую можно назвать интегративной, представлена совокупность принципов и способов организации, развития и оценки теоретического и эмпирического социологического знания, система норм и регулятивов проведения подлинно научных социологических исследований. Именно ее самоотверженно отстаивал П. Сорокин и она, безусловно, никогда не утратит свою актуальность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сорокин П.А. Система социологии. Т. 1. М.: Наука; 1993.
2. Сорокин П. Социологическая интерпретация «борьбы за существование» и социология войны. Социология современных войн: Материалы научного семинара. Цыганков П.А., Рязанцев И.П. ред. Вып. 1. М.; 2004.
3. Сорокин П. Социология революции. М.: Астрель; 2008.
4. Sorokin P. Social Mobility. New York, L., 1926. Chap. XVIII.
5. Сорокин П. Голод и идеология [общества]. *Экономист*. 1922;(5).
6. Сорокин П. Война и милитаризация или коммунизация общества. *Артельное дело*. 1922;(I–IV).
7. Sorokin P. The Sociology of Revolution. Philadelphia, London, 1925. Chaps. XIII–XV.

REFERENCES

1. Sorokin P.A. The system of sociology. Vol. 1. Moscow: Nauka; 1993. (In Russ.).
2. Sorokin P. Sociological interpretation of the “struggle for existence” and the sociology of war. The Sociology of modern warfare: The proceedings of a seminar. Issue 1. Tsygankov P.A., Ryzantseva I.P., eds. Moscow; 2004. (In Russ.).
3. Sorokin P. The Sociology of revolution. Moscow: Astrel; 2008. (In Russ.).
4. Sorokin P. Social Mobility. New York; 1926. Chap. XVIII.
5. Sorokin P. Hunger and the ideology [of society]. *Ekonomist*. 1922;(5). (In Russ.).
6. Sorokin P. The war and the militarisation or the communisation of society. *Artel'noe delo*. 1922;(I–IV). (In Russ.).
7. Sorokin P. The Sociology of Revolution. Philadelphia, London; 1925. Chaps. XIII–XV.